

2 КРУГОЗОР 72

**Митинг,
посвященный
пуску Днепрогэса.**

А. Стаханов.

Сборка первых АМО. ЗИЛ сегодня.

голоса нашей биографии

1 мая 1919 года Красная площадь слушала В. И. Ленина: «До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети».

На звуковой странице — голоса тех, кому выпало счастье строить новое.

*Г. Орджоникидзе, И. Лихачев,
А. Стаханов, М. Виноградова,
В. Чкалов...*

Мы вслушиваемся в их голоса, помним трудовой и гражданский подвиг тех лет — АМО, Днепрогэс, Магнитку...

«Встречаешь на улице машину со знакомым номером, гордость ощущаешь не только за себя или товарищей, но и за тех, кто считает нас преемниками» — так говорит сегодня комсомолец Николай Карпов. Он работает на ЗИЛе. На том самом заводе, первые десять автомобилей которого ушли прямо с конвейера на Октябрьскую демонстрацию 1924 года.

На фото:
П. Дорошенко
и его ученики
М. Кинебас
и Г. Пометун.

«Гей, на гори та женци жнуть...»
С детства волнует меня эта старая песня. Только зазвучит она — вижу как наяву:

На изжелта-червоном взгорье валят упругое жито жнецы. А внизу — по зеленому догу, по сизому шляху — тонуют коней запорожцы. Атамай Дорошенко ведет запорожское войско на Крым.

Оседает пыль на придорожный наливник. Кружит в небе всполошенный коршун. Были запорожцы. Нет запорожцев. Скрылись за поворотом. Вот такая песня.

Но недаром на Украине говорят, что казачьему роду нет переводу. Побывайте в Запорожье, и вам расскажут о Дорошенке. Не о том песенном герое, а о нашем с вами современнике — Петре Степановиче Дорошенке, о сталеваре со знаменитой на весь мир «Запорожстали».

«Впереді всех Дорошенко», — поется в песне.

Ни одно важное событие в истории советского Запорожья не обошлось без Петра Дорошенки. Он был вместе с первостроителями Днепрогэса, он возводил первые домы и мартены «Запорожстали», он был в бригаде, выдавшей первую плавку запорожской стали. В 1938 году Петро Доро-

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

**ста
ле
вары**

Адольф БИХТЯРЬ

шенно установил мировой рекорд сталеварения. В декабре 1938 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медали «За трудовую доблесть». В первой группе награжденных этой медалью был и Петро Дорошенко. Медаль ему вручал Михаил Иванович Калинин.

Только один раз за всю свою долгую жизнь Дорошенко был в числе последних. Боец истребительного батальона, он последним покидал город, когда гитлеровцы были уже на подступах к Запорожью. Потом он сражался под Сталинградом, а позже, отозванный как редкий специалист из действующей армии, варил танковую броню в Магнитогорске.

Лишь только Запорожье было освобождено, Дорошенко вернулся на родное пепелище. Он восстанавливал разрушенный завод, он, коммунист Дорошенко, выдал самую первую плавку запорожской стали на самой первой из оживших печей.

Годы взяли свое. Заслуженный металлург Украины Петро Степанович Дорошенко, академик сталеварения, как его называют, теперь на пенсии. Но дело учителя продолжают ученики. Как и в 1938 году, печь № 5, знаменитая дорошенковская «пятерка», все

так же славна рекордами. От Дорошени она перешла к его ученику Герою Социалистического Труда Михаилу Кинебасу, побившему в 1968 году сразу три мировых рекорда сталеварения.

А блок печей Петро Степанович передал другому своему ученику — Григорию Пометуну, тоже Герою Социалистического Труда, в двадцать пять лет удостоенному звания одного из лучших сталеваров Советского Союза. Григорий Пометун первым доказал, что предельная производительность мартеновской печи не предел. На типовом мартене, который дает за смену 185 тонн стали, он сварил за год 206 тысяч тонн металла!

Я рассказал лишь о трех знаменитых запорожцах. А ведь Запорожье прославили на всю страну более пятидесяти Героев Социалистического Труда и около ста Героев Советского Союза.

В 1921 году уездный городок Александровск, основанный в конце XVIII века поблизости от заброшенной Хортицкой Сечи, был назван Запорожьем. А через шесть лет по планете разнеслось: большевики начали строить в Запорожье сильнейшую в мире гидроэлектростанцию. В основание Днепровской плотины, которую еще

только предстояло возвести поперек реки, была замурована металлическая плита: «1927 года, 8 ноября, в день десятилетия Великой Октябрьской революции, во исполнение заветов вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, усилиями трудящихся масс первого в мире рабочего государства Союза Советских Социалистических Республик заложена правительствами СССР и УССР Днепровская гидроэлектростанция мощностью в 650 тыс. лошадиных сил, — могучий рычаг социалистического строительства СССР».

С этого началась настоящая история Запорожья. А что такое история любого города, если не сумма биографий многих поколений его жителей? Чем славен любой город, если не делами своих горожан? У каждого времени свои герои и свои песни, сложенные во славу героев. Я верю, что с каждым годом будет расти число золотых звезд Запорожья, потому что назацному славному роду в самом деле нет перевода. И им, молодым запорожцам, достойным приемникам отцовской славы, посвятили мы с композитором Эдуардом Ханном две песни, которые на третьей звуковой странице журнала исполняют певцы Эдуард Хиль и Николай Кондратюк.

Нам памятни молитвы наших дедов и отцов о хлебе насущном. Хлеба от них не прибавлялось, росли лишь горечь и разочарования, росли заботы, как дотянуть до нового урожая. Удивительный парадокс всех времен: людям, творящим хлеб, всегда не хватало хлеба. В то же время хлеб все больше превращался в средство наживы, неравенства, мироедства. А ведь ничто, даже золото, не может сравниться с хлебом. Хлеб — народное богатство. Мы не задумываемся, когда хлеба много. Но глубоко и трагически чувствовали, когда его было мало. Именно тогда все отступало перед хлебом, мы грезили им. Но человек забывчив, и, как только наступает изобилие, тише звучит песнь о хлебе. Так было во все времена.

Все равны перед хлебом. Это уже совершенно новое, социальное понятие о хлебе как о благе, принадлежащем народу. Впервые это произошло в нашей стране, притом в годы, когда хлебный паек получал сам Ленин...

Но вот есть те миллионы тонн, о которых мы так долго мечтали. Огромные свадебные караваи на рушниках как бы символизируют эту победу. Мы знаем все ее вехи, все ее трудности. И каждый раз с благодарностью думаем о тех, кто ее совершил, идя к ней упорно и терпеливо. В такие минуты невольно вспоминается картина Татьяны Яблонской «Хлеб». О ее художественных достоинствах уже немало сказано знатоками. Но ценность картины в том, что она появилась именно тогда, когда стране, вышедшей недавно из войны, очень нужен был большой хлеб. Вот он, новый фронт! Так мы тогда понимали картину. Мы видели перед собой лишь маленькую частицу этого хлебного фронта: лица и руки людей в дымке, их чуть расплывчатые фигуры, могучие, рукастые... И потому верили: такие могут прокормить хлебом целый мир. Правда и суровость картины были под стать тем временам. Да, то был еще не праздник хлеба, не солнечный каравай на рушниках, а упорный труд добытчиков хлеба. Художница попы-

Василь ЗЕМЛЯК

ода о хлебу

талась проникнуть именно в сферу труда, не боясь укора в «производительности». Мне кажется, что в этом произведении проявились смелость автора, честность перед жизнью. Прошли годы, страна получила большой хлеб. Но картина продолжает привлекать нас своей исторической достоверностью.

...Минувшей осенью мне пришлось побывать в колхозах Кировоградской области, одной из самых хлебных на Украине. Еще не так давно здесь, как, впрочем, и в других областях, соревновались за стопудовый урожай зерна с гектара, который казался чуть ли не верхом мечты. А в 1971 году в целом по области собран урожай пшеницы по 37,6 центнера с гектара (больше чем 200 пудов). Хорошее начало пятилетки! Но и это не предел. Первый секретарь обкома партии Михайло Митрофанович Кобыльчак с удовольствием называет цифры, которые в ближайшем будущем могут стать меркой урожая для области.

Колхоз «Заря коммунизма»: 54,6 центнера пшеницы с гектара на площади 2 тысячи гектаров. Колхоз имени Крупской — здесь собрали с гектара по 94,6 центнера. Вступает в действие современная математика хлеба, соединенная с новейшей техникой, с агронаукой, почти фантастическая для нас еще в недалеком прошлом.

Или взять колхоз имени Ленина. При колхозной свинофабрике, одной из самых первых и, пожалуй, самых крупных на Украине, работает комбинормовый завод. Он перерабатывает в сутки 103 тонны зерна. Такое ежедневное количество хлеба в обороте одного колхоза раньше могло бы показаться просто утопией. Сотни ветряных мельниц должны бы работать, чтобы перемолоть эти хлебные горы.

И сейчас, как в старину, символ изобилия — огромные караваи на вышитых рушниках. Как в старину, люди воздают хвалу хлебу. И то, что когда-то звучало как молитва о хлебе, теперь звучит как ода подвигу человека, гимн народу-труженику, созидателю.

К и е в

Висит в Третьяковской галерее картина Татьяны Яблонской «Хлеб», а на ней — кусочек подольского села Летавы. Многих из летавчан, если взглянуть да сбросить им лет по двадцать, узнаешь на полотне. В селе хорошо помнят приезд художницы. Это был первый после войны хлебный год. Вспоминают летавчане и двадцать третий год, когда десять бедняцких дворов слились в артель «Возрождение» и начали с обобществления двух коней и одного плуга. Потом был колхоз имени Ленина, он до войны дважды участвовал в ВСХВ, получил орден Ленина. А за первые послевоенные урожаи одиннадцати летавским колхозникам вручили Золотые Звезды...

...Была оттепель. Мы бережно вынесли из клуба огромное полотно, скопированное с известной картины. Рядом встали ее герои. Пришли не все. У кого внуки, кого в селе не оказалось.

Вот они, Герои Труда, герои Летавы: звеньевые Ганна Горячок, Горпина Регелик, Анастасия Шутяк, Антонина Николина, Мария Нагурная. Заместитель директора школы, в прошлом бригадир трактористов, Сергей Николин. И Давид Бойко — дважды Герой Социалистического Труда, один из организаторов артели «Возрождение», бывший председатель колхоза имени Ленина. Фотокорреспондент щелкает затвором, я выключаю микрофон...

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент
«Кругозора»
Хмельницкая область

фото Л. Лазарева: героини Летавы.

Толстой никогда не состарится. Он из тех гениев, слово которых — живая вода. Источник бьет неиссякаемо. Мы снова и снова припадаем к нему, и нам кажется, мы еще ни разу в жизни не пили такой прозрачной, чистой, свежей воды.

Константин Федин

Записи голоса Льва Николаевича Толстого, собранные вместе на пластинке «Кругозора», публикуются впервые. Эти записи отреставрированы, и все-таки к ним надо привыкнуть. Возможно, лишь на второй или на третий раз вы разберете отдельные слова или фразы, которые вначале вам покажутся неразборчивыми. Лучше звучать они не могут. Эту уникальную пластинку вам поможет слушать комментарий Виктора Борисовича Шкловского.

5

В КОЛЛЕКЦИЮ РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

Человеческий голос несет в своей интонации многое, что не может быть целиком передано письменностью. Очень долго записанные речи, стихи и письма читались вслух. Великие писатели стенографировали по передаче музыки речи — «стенографии чувства». Так характеризовал музыку Лев Толстой. Соединяя изобретения, казавшиеся неудачными, Эдисон создал фонограф. Очень рано на фонограф в случайной записи этнографа Юлия Блока был записан голос Толстого. Это произошло в 1895 году. Толстой в то время мечтал исправить жизнь религией: он думал — преступ-

ление мира и горе человечества происходят от греха людей. Толстой читал рассказ «Кающийся грешник». Грешник, о котором говорит Толстой, вероятно, в его понимании он сам, только кается он не перед богом, а перед всем миром.

Запись кончалась словами: «Говорил Лев Толстой...» Это тот голос Толстого, высокий и молодой, которому удивлялись современники.

Через много лет Толстой записал для детей собственную сказку: «Жил один мальчик, он очень любил есть цыплят и очень боялся волков. И один раз этот мальчик лег спать и заснул. И во сне он увидел, что идет он по лесу и вдруг из-за куста высочил волк и набросился на мальчика. Мальчик испугался и кричит: «Ай, яй, яй, он меня съест». Волк говорит: «Постой, я тебя не съем, а я с тобой поговорю». И стал волк говорить человеческим голосом и говорит мальчику: «Ты боишься, что я тебя съем, а сам ты что же делаешь? Ты любишь цыплят?» «Люблю». «Зачем же ты их ешь, если они, эти цыплята, такие же живые, как и ты?..»

В сказке Толстой проповедует вегетарианство: он говорит, что люди не

должны есть мясо, как едят волки. Люди долго будут есть мясо.

Но послушайте, как говорит Толстой, как он пользуется интонацией...

С каким большим умением Толстой пользовался живым словом для самых больших дел, передавая им негодование.

Время в России было тяжелое: революция 1905 года не удалась.

Читая каждый день сообщения о казнях, а сообщения эти были обыкновенны, как сводка погоды, Толстой выразил свое негодование, подчеркнув, что убивают мужиков, людей, которые кормят страну.

«Нельзя так жить! Нельзя и нельзя, — говорил в 1908 году в фонограф Толстой. — Каждый день столько смертных приговоров, столько казней. Нынче пять, завтра семь. Нынче двадцать мужиков повешено. Двадцать смертей...»

ГОВОРИТ ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Потом он это выразил в своей великой статье «Не могу молчать».

Он не мог молчать. Он мог говорить, но он не мог исправить зло, которое видел, и не знал причины зла. Он думал, что человечество должно вернуться назад, к крестьянской жизни, к труду земледельца, хотя и то время было полно жестокости.

Толстому писали письма, зачем он проповедует простую жизнь, а живет в усадьбе, как барин.

Толстому в письмах многие предлагали уйти из дома, и он годами собирался это сделать. Если вы пойдете в дом Толстого в Ясной Поляне, то вы увидите, что по теперешним понятиям Толстой жил очень просто и даже работал в проходной комнате.

Но он считал преступлением, что, живя рядом с праздными людьми, как бы поддерживал это право на праздность.

Прослушайте письмо Толстого, продиктованное им в фонограф для того, чтобы ответить на упреки.

«Одно могу сказать, что причины, удерживающие меня от той перемены жизни, которую вы мне советуете, и отсутствие которой составляет для меня мучение, что причины, препятствующие этой перемене, вытекают из тех самых основ любви, во имя которых эта перемена желательна и вам и мне. Весьма вероятно, что я не знаю, не умею, или просто во мне есть те дурные свойства, которые мешают мне исполнить то, что вы советуете мне. Но что же делать? Со всем усилием моего ума и сердца я не могу найти этого способа и буду только благодарен тому, кто мне укажет его. И это я говорю совсем не с иронией, а совершенно искренно».

Посмотрите, как это мучительно сказано, как эти слова доходят до сердца.

Зло, которое окружает человека, один человек целиком исправить не может. Он может внятно передать свое страдание, он может будить людей.

Голос Толстого нас учит великому значению радио, телевидения.

Надо искать путь к сердцу человека. Надо говорить о самом главном, о самом трудном.

Толстой был не только одним из первых людей, голос которого записан навсегда, он показал человечеству, что радиоматчи созданы во имя любви человечества, во имя освобождения человека от чувства вины, во имя того, чтобы люди поняли друг друга и создали счастливую жизнь. Стали работающими мудрецами с чистым сердцем.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Гравюра Ю. Космынина

Интервью у народной артистки СССР, солистки Киевской оперы Беллы Андреевны Руденко корреспондент «Кругозора» брал в Москве. Ее пригласили в Большой театр петь Людмилу в опере Глинки, и она приехала на репетиции.

— Я пела Травиату и очень любила ее. А потом работала над партией Наташи Ростовской, и мне казалось, что лучше Наташи никого нет... То же самое было с Лючией и Джильдой. Каждый раз, когда начинаешь работать над каким-либо произведением, в него влюбляешься. Сейчас я влюблена в Людмилу. Мне интересно, как ставит эту оперу Борис Александрович Покровский. Я думала, что знаю в «Руслане» каждую ноту и чувствую все, что хотел сказать Глинка. Но режиссер все время открывает такое, что только удивляешься: как же раньше это не замечалось! В опере, например, поется слава языческому богу Перуну, а на сцене стояли длинные свадебные столы, степенные гости осеняли себя крестами, били низкие поклоны...

В новой постановке это будет языческая свадьба. Горят костры, все в движении, все соревнуется в ловкости, сама Людмила стреляет из лука. Отсюда и характеры другие. Мне по-иному открылась и первая ария Людмилы: «Грустно мне, родитель дорогой...» Ведь ей не так уж грустно. И в музыке грусти нет. Людмила озорная, подсмеивается над неудачливыми женихами. Не покорная, робкая христианка, а смелая и своенравная язычица...

ИНТЕРВЬЮ
«КРУГОЗОРА»

Влюбленность В новую роль

Фото
А. Лидова

Меня спрашивают: чем вы предпочитаете заниматься в свободное время? Я говорю — музыкой. Я люблю работать самостоятельно, когда готовлю камерные программы. Чтобы приготовить концерт из 20—22 произведений, надо просмотреть 60—70. Я обычно иду от музыки, но в романсе меня, безусловно, интересует и литературная основа. Я очень люблю прокофьевский цикл на стихи Анны Ахматовой. Тут трудно сказать, что лучше — стихи или музыка: все слитно, все едино. А когда текст ничего не значит — «ах, ох, птички поют...», — тогда, естественно, делаешь акцент на музыку. Но бывают интересные находки, например, цикл Шумана на стихи королевы Марии Стюарт. Это ведь очень интересно, что Мария Стюарт в заточении писала стихи и они привлекли внимание такого музыканта, как Шуман.

Я люблю работать с молодыми композиторами. Мне импонирует талант Леси Дычко. У меня в репертуаре цикл ее романсов на стихи Леси Украинки.

На девятой звуковой странице слушайте романс Леси Дычко «В лодке» и вторую часть Концерта для голоса и оркестра Р. Глиэра в исполнении Б. Руденко.

*Две песни в исполнении ансамбля:
«Журавли» и «Баллада о трубачах» —
на седьмой
звуковой странице.*

Фото Л. Пазарева, А. Лидова,
А. Хейфица

Из интервью с художественным руководителем дважды Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии народным артистом СССР Б. А. Александровым.

— В чем Вы видите существо песенного искусства ансамбля?

Александров. В его связи с народной культурой и с армией. Когда основатель ансамбля А. В. Александров ездил в свое время по военным лагерям, записывал там песни, напетые ему солдатами, а затем исполнял их, — в этом и было зерно, объединяющее две стороны. Созданные с тех пор песни ансамбля — ярчайшим примером может служить «Священная война» — несут в себе традицию, и потому они столь популярны и любимы народом.

— Итак, девиз — «Вместе с народом, вместе с армией». Так было и во время войны. Известны эпизоды, когда артисты ансамбля давали концерты прямо в окопах... Александров. Так было. Наши пробивались в такие места, куда никто не решился бы послать певцов. Порой группы состояли из двух-трех человек. Однажды на передовой по просьбе командира части певец и баянист спустились в окоп. Была подня-

ПЕСНЯ НА МАРШЕ

та телефонная трубка. Офицер по очереди вызывал отдаленные батареи и предлагал дежурным артиллеристам подавать заявки на любимые песни. Песни шли по проводам...

— Одна из сильных сторон ансамбля — исполнение походных песен, песен «на марше»...

Александров. Вот, например, песня Соловьева-Седого «В путь». Ей потребовалась определенная режиссура. Ведь до нас эта песня звучала в кино, но без особого эффекта. В ансамбле решили поставить ее как картину. Едут солдаты после учений, едут и поют. Песенная фреска с массой лиц и голосов. Сразу вскрылись красоты этой замечательной песни. У нас и за рубежом ее принимали на «ура».

— Поделитесь каким-либо впечатлением о гастролях за рубежом...

Александров. Дело было в Италии. Мы пели блантеровскую «Катюшу», которая стала, как известно, итальянским партизанским гимном, потом итальянскую песню «Белда чао». Нашими зрителями были солдаты и матросы итальянской армии. Слышим, что экспансивный зал запел вместе с нами. И после финальных аккордов зрители бросились на сцену, обуреваемые желанием получить какой-либо сувенир.

Через несколько минут у нас исчезли пуговицы с кителей. Таков был энтузиазм...

Микола НАГНИБЕДА

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я сегодня с моей Украиной
Обнимать всей душою тово
И Урала седые вершины
И шатры белорусских лесов.
Я сегодня к груди прижимаю
Символ славы — Малахов курган,
Днепрогэс — юность нашего края
И своих земляков-харьковчан.
Я хочу, чтобы дети и внуки
Поднимались на нашем крыле
И учились высокой науке —
Коммунистами быть на земле
И еще я хочу в эту дату
Облететь боевые фронты,
Чтобы каждому брату-солдату
Положить на могилу цветы...
Я хотел бы, чтоб все коммунисты
У меня побывали в гостях.
Я целую высокий и чистый
Нашей Родины ленинский стяг.

Дмитро ПАВЛЫЧКО

Холмы натянули на головы рядна,
Таятся, как дети во время игры,
Лишь вьется тропинка лозой виноградной
По склону заснеженной белой горы.

Из синего леса студеной пена
Туманит сверкающий снежный накат,
А над сугробами чуткой антенной
Заячьи уши тревожно торчат.

Михайло СТЕЛЬМАХ

Растаяла снегов печаль,
И пролегла дорога вдаль,
Туда, где в кленах сок густой
И в небе месяц молодой.
Идет дорога в те края,
Где первый щебет соловья,
Идет дорога к тем мостам,
Что в будни ты построил сам,
Дорога в праздники ведет,
Где песню девушка поет.
Иди же к этой песне ты,
Иди в поля через мосты,
К зеленым рощам вновь и вновь.
Туда, где ждет тебя любовь.

Роман ЛУБКОВСКИЙ

ВЕТЕР

Я встретился в поле с ветром:
— Чем занят ты в поле, ветер?
— Ищу я краски на платье,
На платье своей любимой.

Я встретился в море с ветром:
— Чем занят ты в море, ветер?
— Ищу в волнах изумруды
Для перстня своей любимой.

Я встретился с горным ветром:
— Что ищешь в горах ты, ветер?
— Ищу смарагдовый камень
На диадему любимой.

В глухой и дикой пустыне
Шепнул мне на ухо ветер:

— Ищу я нежное имя
Для самой моей любимой,
Единственной, несказанной...

Переводы
с украинского
Юрия Саенко

Савва ГОЛОВАНОВСКИЙ

Младенцем был он, школьником потом,
Шалил, как все, на мир глядел пытливо.
Случалось, ягод в чаше наберем,
Он прыгал, радуясь лесному диву.
Ходил на спортплощадку, на тренаж,
Девчонок дергал за косы, наверно.
Он поражал меня, когда на пляж
Брал алгебру с собой, а не Жюль Верна.
Он постепенно набирался сил,
Стал тонким, как свеча, стремглав
мужал он,
Впервые долгим взглядом проводил
Девчонку, что по саду пробежала.
И вдруг — вокзал. «Ну, папа, будь
здоров!»

Уехал, растворился в дальней дали.
Летели дни, как сотни поездов,
Калейдоскопом годы замелькали.
Как парус в море, отдалялся он,
Писал порою из своих скитаний.
Чем больше был пространством отделен,
Тем становился ближе и желанней.
Внезапно навещал он отчий дом.
Мы не могли на сына наглядеться.
И время, бег притормозив с трудом,
Катилось вспять. И возвращалось
детство.

Сын раскрывал дорожный чемодан,
Подарки всем домашним раздавал он,
А после на потертый свой диван
С ногами забирался, как бывало.
О физике, о поисках своих
Рассказывал с улыбочкой усталой.
Шутил: «Поверь мне на слово, старик.
Тебе такое не понять, пожалуй!».

Перевод Якова Хелемского

Орися ЯХНЕВИЧ

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Эта ночь, как на киноэкране,
Вся в моем отразилась окне —
И черемуха в белом тумане,
И звезда, что горит в вышине.

Лунный свет заливаёт Карпаты.
Серебрит одинокую ель,
А соловушка песней у хаты
Заплетаёт любовь мою в хмель.

Село Семенюка,
Ивано-Франковской области

Виталий КОРОТИЧ

ХЛЕБ

Я вижу свет и перелогов тени,
В них капля солнца падает, пестра.
О, тягостное таинство рожденья,
Когда на свет являться дню пора.
Таинственность дымок, что в небе
встали,

Над окнами дозор ведут века,
К высоким трубам,
как на пьедесталы,
Плывущие ложатся облака.
Петух кричит Вселенной прямо в ухо,
А над челом Земли жужжит оса,
И полнятся здесь тучи хлебным духом.
Поднявшимся по трубам в небеса.
Здесь все большое,
Все — для всех на свете:

И печи, день рождающие свой,
И яблони,
И синих сосен ветви,
И ритмы песен раннее порой.
Молитва гор чуречной пахнет данью,
Дым, как язычник, пляшет над огнем,
И это небо вечно, как сказанье,
И облако — глава поэмы в нем.
Аул еще безлюден, но вдали
Рассветный день спустился с гор

грузинских,

Он, как чурек в ладонях материнских,
Несет с собою аромат земли.
Благословись же, день!
Чудесным сном
Тебе всегда бы так вот и рождаться.
Когда дымки над трубами струятся
И небо пахнет хлебом и вином.

Андрей МАЛЫШКО

Я до сих пор, признаться, не вошел
Ни словом в тайны тех лабораторий,
Где век растит тугой электрошош
И формул пульс с распадом ядер спорит.
Там молодость со зрелостью в тиши
Несут к орбитам дерзость познанья,
Бросая диалектику души
От атома к просторам мирозданья.
Там ставится высокая цена
На мудрость и на точность полутона,
На корешок душистого зерна,
Вплетенного в упругость электрона.
И тянется открытый новых нить
В поля и домы, на мосты и краны,
И лирика ученого звенит
Масштабностью других меридианов.
Цветут сады, часы там не спешат.
Там стронций месяц, словно глину века,
И, кажется, поэзии душа
Сквозь атом видит мир и человека.

Переводы
Юрия Саенко

Рисунки П. Цепелинского

Объем промышленного производства СССР возрос за минувшую пятилетку в полтора раза. Такой экономический взлет был бы немислим без помощи братских республик. На Украину из Москвы, Ленинграда, Минска идут станки, из Карелии — лес, из среднеазиатских республик — хлопок. Украина дает стране уголь и металл, машины и хлеб...

Много лет проводят совместные плавки дружбы рабочие «Днепропецстали» и подмосковного завода «Электросталь». Их примеру последовали металлурги Казахской Магнитки и «Запорожстали». Заслуженный металлург Украины Е. Проскурин и Герой Социалистического Труда А. Даригабаев установили новые всеобщие рекорды выплавки стали, посвятив их 50-летию СССР.

Каждая вторая тонна кокса, железной руды и чугуна, около половины металлургического оборудования, каждый третий трактор, угольные комбайны и магистральные тепловозы производятся на заводах республики.

Хмельницкий завод «Катион» освоил выпуск дорожных телевизоров, которые будут устанавливаться на автомашинах.

Киевский институт «Гипрогаз» — автор проектов газопроводов Средняя Азия — Центр. Две магистрали дали выход в страну узбекскому газу. Сооружаемые по проекту киевлян третья и четвертая нитки магистрали приведут туркменский газ в центральные и западные районы страны, в том числе и на Украину.

Мне хотелось узнать у Мирослава Скорики, были ли у него в роду музыканты.

— Да нет, не было, — ответил он. — Хотя, подождите, одна из моих бабок — Соломея Крушельницкая... Знаменитая оперная певица Соломея Крушельницкая, певшая на мировой сцене вместе с Баттистини и Карузо, дружившая с Пуччини, спасительница его оперы «Мадам Баттерфляй», блистательно провалившейся во время первого своего представления в Милане в 1904 году, великолепная Аида, лучшая Гальна... Вот мы и нашли музыкальных предков композитора Мирослава Скорики. Но он почти не помнит свою знаменитую родственницу. Вспоминает только ее концерт во Львове в 1946 году, когда Крушельницкой было уже за семьдесят. Что она пела и как, он не может сказать, помнит лишь, что бегал по проходу между кресел, мешая взрослым. Но именно Соломея Крушельницкая заметила у своего восьмилетнего внука абсолютный слух и посоветовала учить его музыке.

Сейчас Мирослав Скорики — один из наиболее заметных молодых композиторов. Музыка его живая, она «дышит» при всей ее насыщенности техническими «приемами» современно-

стали теперь скорее материалом для теоретических извлечений. В основе подлинного новаторства должен лежать поиск нового содержания, образов, отражающих динамику и дух современности.

В своей дипломной кантате «Весна» на стихи Ивана Франко, в сюите для струнного оркестра, в скрипичном концерте, в написанной совсем недавно Второй Партите Мирослав Скорики идет по пути динамического развития живых традиций. В произведениях этих блестящая техника, лиричность, истинная любовь к истории народа, его быту, фольклору. Именно это привело его в кино, к работе над музыкальной к фильму «Тени забытых предков».

— Моя заслуга в фильме невелика, потому что там главным образом звучит просто фольклор. Моя же музыка лишь цементирует это звучание. Она связана с психологическими моментами картины. Но я много ездил в фольклорные экспедиции, разыскивал музыкантов, наигрыши, песни... В этом фильме есть просто уникальные записи. Мы были в самых глухих горных селениях, находили исполнителей, которые играли на таких редких инструментах, как лира или так называемая коза (тип волюнки). Никакая фольклорная экспедиция не могла бы мне дать так много. Сейчас я работаю над концертом для оркест-

Быть естественным и современным

сти». Именно с таким музыкантом интересно говорить о новаторстве музыкального языка...

— Видите ли, молодому автору трудно не повторяться. Об этом говорил еще Игорь Стравинский в своей книге «Музыкальная поэтика». Стравинский писал, что в былые времена композиторы не боялись повторить на каком-то этапе своих предшественников.

Стремление к непреходящей непохожести может привести к неестественности, изолированности... Если музыкальный язык изобилует «неслыханными» по новизне приемами, если вокруг него вспыхивают дискуссии, устраиваются симпозиумы, это еще не значит, что совершенно художественное открытие. Казалось бы, и Прокофьев, и Барток, и Шёнберг (основоположник додекафонии) входили в мир музыки как величайшие неиспровергатели, и только время показало, что Прокофьев и Барток не испровергали, а развивали классические и национальные традиции, и музыка их осталась звучать... Произведения Шёнберга, выступившего реформатором,

М. Скорики: «Проблема современного языка? Мне кажется, что надо найти какую-то органическую связь между современными выразительными средствами и традициями, которыми пользуется композитор. Традиции классическими и народными. Найти этот синтез — дело, конечно, не простое. Но композитор должен к нему стремиться, чтобы быть и современным и естественным.»

ра, который так и назову: «Карпатский»...

Занятия музыкой «серьезной», строгой Мирослав Скорики совмещает с музыкой иного плана... В 1964 году во Львове он организовал эстрадный оркестр.

— Знаете, хотелось резко переключиться в другой жанр, — говорит Мирослав Михайлович.

В прошлом году в Киеве он снова обратился к эстраде...

— Для меня жанр эстрады не главный, но к легкой музыке я отношусь вполне серьезно. Стараюсь избегать шаблона, найти свежие повороты. У нас популярна преимущественно лирическая эстрадная песня. В этом есть хорошая народная традиция. Но есть и некоторая однобокость: хотелось бы, чтобы украинская эстрадная песня была более разнообразной, более ритмически современной...

И все же какое из своих сочинений Мирослав Скорики предлагает слушателям «Кругозора» — песню, эстрадную пьесу?.. Нет! Вторую Партиту...

Л. КРЕНКЕЛЬ

На инструментах, сделанных Александром Шленчиком, играют в народном хоре имени Григория Веревки, и в Северном русском народном хоре, и в бесчисленных самодеятельных коллективах. Он живет в городе Чернигове, этот мастер, который недавно был награжден Золотой медалью ВДНХ за лучшую в стране бандуру прима и сопилки.

— Самое любимое мое место в городе — Троицкая горка. Здесь похоронен Михаил Михайлович Коцюбинский. Я когда-то ходил в хату-читальню в доме Коцюбинского. Нам читали его детские рассказы. И они так понравились мне, что я пошел в школу имени Коцюбинского. Ходил через весь город, в другой конец... Особенно хорошо на Троицкой горке осенью, когда тихо, когда падают желто-ржавые листья, когда осенний ветер высвистывает мелодию...

Кем я стал раньше — музыкантом или музыкальным мастером? Трудно сказать. Мой отец делал музыкальные инструменты, а мать играла на гитаре и на балалайке. Я и сам в детстве играл на балалайке. А потом получилось так: меня выбрали редактором школьной газеты, и я часто возвращался домой поздно. Вечера у нас на Украине мягкие, ночи синие, прозрачные, тополя дают длинные тени. И вот как-то шел я домой по этим теням, вдруг слышу звуки совершенно для меня неизвестные. Я тихонько подкрался и увидел, что парень играет на каком-то инструменте грушевидной формы. Это была мандолина, и оказалось, что у моего дяди есть такой же инструмент итальянской работы. На следующий день я зашел к дяде... Показывая мне мандолину,

Валентин ШКОЛЬНЫЙ
Фото автора

мастер

он сказал, что самое главное в ней — точно разметить лады. Иначе не будет строя.

Я решил сделать мандолину сам. Для этого требуется специальная древесина. Мастер сначала ее вымачивает, потом выставляет на солнце, на дождь, на снег. И после этого она хорошо звучит. И вот я нашел вымокшую ель и стал делать мандолину. Но так, чтобы никто не видел. Потому что стеснялся, думал, ничего не получится. Мандолина получилась не бог весть какая, но получилась. На ней я и научился играть. Было это в шестом классе. А в восьмом я уже руководил оркестром взрослых. Я думаю, что если сам не играешь на музыкальном инструменте, то не можешь его и сделать хорошо.

Духовые я стал делать значительно позднее, чем струнные.

Меня поразило: кусочек дерева, трубочка с шестью отверстиями, а дает такую полную гамму тонов! Когда я захожу в лес, то слышу, что и как должно здесь звучать. Сопилка поет в лесу лучше всего потому, что больше всех связана с природой, с лесом... Она делается из самого простого дерева, из бузины. Начинающие мастера почищают природный ствол, делают отверстия и начинают подбирать звуки. Но это получается сопилка несовершенная. Я потратил лет двенадцать на то, чтобы точно рассчитать отверстия. Теперь делаю сопилки больших размеров, альтовые, баритоновые... Я на Черниговской фабрике музыкальных инструментов работаю двадцать пятый год. Делаю бандуры, и цимбалы, и гусли, и балалайки, и русские жалейки... Труднее вспомнить, чего я не делал.

Духовые я стал делать значительно позднее, чем струнные.

На восьмой звуковой странице «Кругозора» вы услышите продолжение рассказа мастера Александра Шленчика и его игру на различных народных инструментах, которые он создал.

им сердце я открытое принес...

М. Рыльский приехал в родное село Романовку со своими друзьями поэтом Андреем Малышко и композитором Сергеем Козаком. Была поздняя ночь, но они увидели на улице сельских музыкантов, которые вышли встречать земляка. Перебирая мотив, музыканты играли «Рушничок». Сергей Козак не смог удержаться от смеха, а Рыльский расплакался.

Этот случай Малышко поставил в эпиграф своего стихотворения и включил его в третий цикл стихов «Дороги под яворами». Как только цикл вышел из печати, Малышко послал его тяжело больному Максиму Фаддеевичу: «Вспомните, как хорошие люди, не имея на чем играть, на медных трубах сыграли вам «Рушничок»...»

Максим Рыльский тут же откликнулся стихотворением, снабдив его примечанием: «Сергея Козака, который тоже был с нами в Романовке, рассмешил своеобразный мотив, в который одели сельские музыканты-самоучки «Рушничок», но и он, разумеется, был тронут такой импровизацией. — М. Р.» Стихотворение «Андрею Малышко» было написано за полтора месяца до смерти поэта.

Это — последнее стихотворение Максима Рыльского

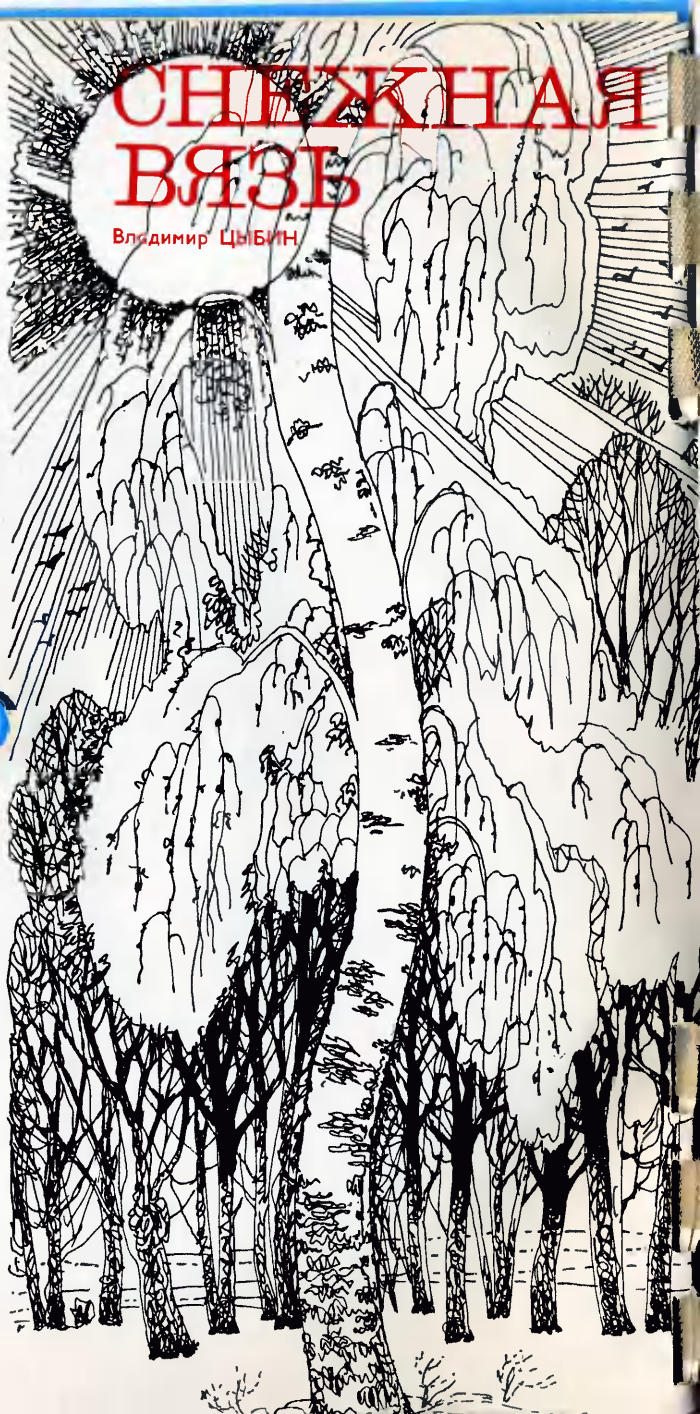
*Андрею Малышко,
прочитав третий цикл «Дороги под яворами».*

Мой побратим! Бывает, что пейзажем
О человеке мы точнее скажем,
И отзвук песни из густых лугов
Порою глубже мудрых книжных слов
Всю душу раскрывает — для привета!
Вы аромат романовских рассветов
Мне подарили, словно солнца луч,
Каким-то чудом вырванный из туч.
И в дом ко мне вошли луга и дали,
И крылья пчел прозрачных зажуужали,
И пыль над полем ветер закружил,
И в рыбьих всплесках, в перезвонах крыл
Все ожило, что было позабыто.
Со мною друг — и вновь душа раскрыта
Всему, что чисто и светло живет,
И надо мною голубень плывет,
И девушка под ивами густыми
Ваш рушничок развесила незримый.
Со мною люди — здесь я с ними рос,
Им сердце я открытое принес,
Со мною Вишня с нежною душою,
И мама ваша добрая со мною,
И те романовские трубачи,
Встречавшие нас песнею в ночи.
Когда я плакал, а Козак смеялся,
Но смех его тогда в любовь вливался,
Ведь ночью той любовью все цвело!
Спасибо вам — за ласку, за тепло!

Перевод Ю. Саенко

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Владимир ЦЫБИН

День засветился от раннего утреннего снега, и деревья тоже засветились, словно кто-то внутри их зажгет маленькие длинные огоньки. Такой свет зажигают большие морозы. Но снег все падает и падает, и от этого потеплела погода и потептели окна в домах, сквозь тонкую вязь инея просвечиваются любопытные глазенки мальчишек.

Я тоже давным-давно проснулся от этого света, от которого так быстро, доверчиво просветлело в мире, и жду, когда окна засветятся от другого — от розового, заревого. Так и будут рваться друг к другу сквозь иневую, приглушенную снегом вязь на окнах два света: огромный заревоый свет, розовый, как рябиновые листья, и маленький домашний свет электрической лампочки. И от их соприкосновения рождается эта прозрачная, сотканная из тончайшего снежного волокна, похожая на старинные загадочные гравюры, тонкая морозная вязь. Так всегда: два света сомкнутся — и рождается творчество.

Не только эта береза в лесу живая. Вот еще одно живое место отыскалось: в глубокой, заледеневшей по краям лунке родничок. Вот где ты затаился, под самым берегом. Это для того, чтобы сбереж от снега теплоту своей жизни. Я нагнулся над родничком и, не знаю зачем, зачерпнул. Просто так, может быть, чтобы прикоснуться к живому...

Родничок оказался глубоким — со дна его светилась трепетная, робкая струйка, а еще ниже под ней, со дна опрокинутого неба, на меня глядели маленькие дневные звездочки. И я почувствовал радость и удивление в себе от того, что увидел другие, потаенные глаза родничка. Так порой увидишь на дне глаз у любимой женщины — другие, затененные и неожиданные.

И вот я снова иду вдоль горной речонки по утяжеленной росой траве туда, где под белыми, плоскими камнями живет родничок. Иногда этот родничок кажется мне страшно хитрым, затаившимся под камнями старичком; будто сидит он под камнем и выпускает из земли тонкую веточку воды, пересыпанную желто-красным песком. Он очень добрый и очень старый. Это он разжег где-то в кустах костры, и они теперь дымят белой, приречной облачной.

Я смотрю, как возле родничка белеют наволглые, тонкие дымы, и восхищаюсь этим старичком, выдувающим со дна родника микроскопические песчинки.

Я всегда спрашиваю у этого старичка воды, чтобы он не обиделся.

— Старичок, — говорю я ему, — всего полведра воды. Я знаю, что нельзя никому говорить об этом старичке. Это наша тайна. И если я открою эту тайну, старичок уйдет из родника жить в другое место. Уйдет из родничка, откуда поднимается жить белый-белый, пресветлый день.

Почему-то помнится всегда снежное поле, словно кто-то соединил в одно тысячи солнечных зайчиков. И больше ничего — только это поле и посреди него ты сам, маленький и чуть-чуть испуганный, потому что боишься заблудиться.

Чувство природы потому, может быть, и бессмертно в нас, что это, в сущности, чувство самого себя. И это поле, почерневшее от старых листьев, и спрятавшийся в ложбины снежок кажутся отделившейся на время частью твоей души. И тебе хочется достать из глубины своей души себя самого, того человека, которого суждено всю жизнь забывать и снова вспоминать в себе, чтобы доверчиво вернуть его природе.

Среди бурой завали хвороста и сильно подтаявшего снега, между запотевших густо стволов обозначились тропинки — черное среди серого. А через несколько дней на месте этих тропинок весело зазмеились и затенькали первые ручейки. Потом они станут звонче и шире, эти лесные ручейки, начавшиеся с тропинок.

Бегут, позванивают ручейки, туда, вниз, в уложье, куда вела торопящихся людей тропа, спешат вослед давным-давно ушедшим людям. И в этом есть какой-то особый смысл — когда след, оставленный человеком, продолжает жить в живом, стремительном движении весеннего ручья.

Из-под летошней травы, из-под последней снежной завали выглядят самые смелые подснежники, как таинственные знаки. Мне кажется, что это они ждали меня сегодняшним

утром ради живого общения с душой человеческой... И еще кажется, что они, подснежники, голубые и влажные, приподняли на своих податливых лепестках небо. Цветут подснежники, прибавляя нам еще больше неба...

По всему поречью — тальники белые, как ковыли. Наверно, сверху, с самолета, каждый день пролетающего над нами, они кажутся степью, залитою белыми ковылями.

Все прозрачно. Все бело. Прозрачность всегда холодит. Не оттого ли пахнуло на меня холодком от пепельно-красной лиственной падали?..

Я знаю, если бы можно увидеть огонь мертвым, то только вот таким — рыхлым, набрякшим земной влагой. Но огонь не умирает. Он просто исчезает.

И я запоминаю этот свет.

Белый, льющийся с тальников, желтый, поднимающийся с опавших листьев, и пепельно-серый намыв света у краев облачного неба.

И я чувствую, как сердце мое само по себе, даже отдельно от меня, вбирает в себя весь этот свет — большой и добрый — дня, и тонкий пересверк еще не опавшей листвы, и медленный отблеск заводи. Потому что жить — это вбирать в себя свет всех вещей в мире...

Большой, высокий Тимошенко был грустным. Стало совсем темно за окнами, зажгли лампы дневного света, он сел где-то с самого края, скорбно сложил руки. Березин ходил по залу быстрой, деловой походкой. Лицо его было спокойным.

Тимошенко. Для меня самое страшное — это репетиции. Когда пу-сто в зале, меня одолевает полное не-верие, все кажется мне несмешным, глупым. И только когда выходим на публику и раздаются первый смех в нужном месте, там, где мы рассчиты-вали, сразу возникает уверенность и идут совершенно другие интонации. Есть актеры, которые все филигранно оттачивают на репетициях. Я не умею так работать. Меня может повести только зритель. Когда я вижу его ре-акцию, появляются именно те краски, которые нужны. Потом они постепен-но фиксируются; словом, хочешь не хочешь, но до зрителя я один, после зрителя я другой. Я это чувствую и терпеть не могу прогонов. С каждым прогоном мне все больше не нра-вится то, что мы делаем. Я прихо-жу в отчаяние, предчувствую провал.

Березин. Профессионально я пони-маю, откуда это идет, и мы всегда спи-рим по этому поводу. Представьте, я вам рассказываю анекдот. Закончив, начинаю сначала, и так в третий раз, в четвертый. На пятый вы смотрите на часы и думаете: господи, хоть бы он ушел, и я бы книгу раскрыл, а я вам в шестой раз рассказываю и в двадцатый. Я сижу с вами целый день и рассказываю один и тот же анекдот. От этого можно сойти с ума. Но анекдот же смешной. Когда я пер-вый раз вам его рассказывал, вы смеялись. Поэтому надо очень верить своему первому ощущению.

Три дня назад к нам пришел новый рабочий сцены. Мы репетируем и вдруг слышим, он смеется. Мы ему говорим — садись, садись, смотри. Мы стали работать на него, на этого семнадцатилетнего паренька. Он го-ворит — мне надо за кулисы, мы го-ворим — нет, нет, надо, чтобы ты сначала все посмотрел. Мы воодуше-вились, и репетиция пошла хорошо. Свой новый спектакль они назвали «От и До». Подзаголовок «Историче-ская комедия в двух актах, пяти эпо-хах» говорит о том, что Е. Березин и Ю. Тимошенко написали пьесу. Впер-вые именно пьесу. Их соавторами были Р. Виккерс и А. Каневский.

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

ЭТОТ НУЖНЫЙ СМЕХ

Березин. Нам исполнилось по пятьдесят, и у нас в связи с этим снова возник спор. Я считаю, что пятьдесят — это юность зрелости; Тимошенко говорит, что пятьдесят — это, мол, уже с ярмарки...

Часто после пятидесяти артисты, оглядываясь назад, вспоминают свои удачные вещи и волей-неволей начинают их повторять. Если даже не вчистую, то используют хотя бы старые приемы. И вот, когда перед нами лежал еще первый чистый лист бумаги, мы решили, что все-таки ничего старого повторять не будем, а создадим новый спектакль. Это даст нам большую возможность и показать себя как актеров и шире выразить свои мысли.

Тимошенко. Но существуют законы жанра. Эстраднему спектаклю показан ритм и противопоставлено перусложнение. У нас был интересный случай. Мы жили в гостинице «Москва», там же жил Райкин. И вот на двенадцатом этаже он репетировал свою знаменитую сценку «Дайте жалобную книгу». Заходит человек в винный магазин и начинает перебирать разные сорта вин. «Портвейн у вас есть?» Ему говорят: «Есть». «А кагор есть?» «Есть». И так далее. Наконец он спрашивает: «А спотыкач есть?» «Есть. Вам вернуть?» «Нет, не надо». «А нотыкач есть?» «Нет, нету». «Дайте жалобную книгу...» Райкин тогда работал с очень талантливым режиссером, который впервые пришел в эстраду. Они сидели много часов подряд, и режиссер все спрашивал Райкина, кто были его родители, как прошло его детство... «А ваша жена, что она любит?.. Вот вы пришли в винный магазин, а какая погода бы-

ла на улице, зима, лето? Внесите, пожалуйста, в сцену погоду».

На эту миниатюру не надо было столько грузить. Весь удар приходится здесь именно на последнюю фразу — «Дайте жалобную книгу».

У нас очень сложное положение, пока мы не встретимся со зрителем. Он выйдет у нас то, что ему понравится, смехом вытянет все лучшее, что есть в этом спектакле. И где-то отсечет то, что должно из него уйти. Такая «обкатка» на зрителе проходит в течение месяца-двух, и только уж потом мы показываемся спокойно. На шестой звуковой странице вы услышите записи, сделанные на последней репетиции перед премьерой спектакля «От и До». Работа над ним продолжалась как никогда долго — подошел к концу девятый месяц. Тимошенко и Березин меняли принцип, шли по новому пути. Они отказались от своей традиционной формы — концертных репризных интермедий, стали играть сценки, объединив их сквозным сюжетом, действием.

С другой стороны, они не стали отказываться от завоеванного годами. Они не надевают маски. Это те же знакомые нам Тарапунька и Штепсель, только в разных обстоятельствах. Вы узнаете их и в спектакле.

На фото
А. Лидова:
сцены из новой
программы «От и До».

**Д. Гнатюк,
И. Поклад.**

**Фото
Б. Минделя**

Не кажется ли вам, уважаемые мои посетители, что мы несколько засиделись в нашем «Кабачке»?

Со всей страны, со всего света мы привозили сюда лучших артистов

с лучшими песнями.

И хватит. Пора встряхнуться!

Действительно, почему только кабачок? А чайхана?

А салун? А бульбяная?

А корчма?

А кабаре? А шинок, между прочим?

Неужели все это не заманчиво?..

Определенно заманчиво!

Мы будем с вами

путешествовать.

Едем в Киев! Я могу себе

представить, что среди вас есть счастливички, которые никогда не бывали в Киеве.

Как же я им завидую!

Ах ты боже мой, ведь им

выпадает впервые увидеть, удивиться и навсегда очароваться этим неслыханно красивым городом.

И вряд ли найдется среди вас

такой, который, стоя на крутояре

за Киево-Печерской лаврой,

удержится от цитирования:

«Чуден Днепр...»

Итак, прошу в шинок!

В шинок, где вас ждут дивные

украинские мелодии и неизменные

знаки уважения вашего

Зиновия ГЕРДА.

слушайте
В
номере

2 (95) февраль 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Голоса нашей биографии. О героях первых пятилеток. Говорят: С. Орджоникидзе, И. Ликачев, А. Стаханов, М. Виноградова, В. Чкалов.
2. Золотая Звезда Героя. «Хлеб». История картины народного художника УССР Т. Яблонской, рассказанная колхозниками села Летавы.
3. «Кругозор» — Запорожью». «Мы машины провожаем» и «Днепряночка». Музыка Э. Ханка, слова А. Дихтяря. Исполняют Э. Хиль и Н. Кондратюк.
4. Композитор Мирослав Скорик. Части из Партиты № 2. Исполняет камерный оркестр под управлением И. Блажкова.
5. В коллекцию редких записей. «Говорил я в Москве, я — Лев Толстой...»
6. Театр «Кругозор». Интермедия «Экзамен». Студент — Тарапунька, профессор — Штепсель.
7. С песней в поход. Я. Френкель, Р. Гамзатов. «Журавли»; И. Шамо, И. Кротов. «Баллада о трубах». Исполняет ансамбль песни и пляски имени А. В. Александрова. Солист В. Русланов.
8. «Как это делается». Рассказывает черниговский мастер Александр Шленчик.
9. Поет Белла Руденко. Л. Дычко, Л. Украинна. «В лодке»; Р. Глиэр. Вторая часть Концерта для голоса с оркестром.
10. «Набачок 3 1/2 оборота». В гостях композиторы В. Ивасюк, И. Поклад, А. Билаш, ансамбль «Смеричка», певицы Н. Пашенко-Федосеева и Д. Гнатюк.
11. Музыкальная афиша. Играет оркестр Дюка Эллингтона.
12. Эстрада планеты. Елена Бурке (Куба): «Эта печаль», «Оставь меня», «Песня из моих песен».

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:
«Земля моя».
Рисунок
А. Рыбачук
и В. Мельниченко
(Киев).

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113326, Москва, М-326,
ул. Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28/XII 1971 г.
Б 00005.
Подписано к печати
18/I 1972 г.
Формат
бумаги 60 × 84¹/₂.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 2355. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены
Весесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типोगрафия
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Дюк Эллингтон ходил по городу в светлом плаще, в узкополой шляпе. Мы говорили о джазе, о его истории, и я не удивлялся, слыша почти те же слова, какие остались в памяти после чтения книги другого джазового музыканта — Луи Армстронга. Не удивлялся почти цитатной схожести их мысли, ибо судьбе было угодно именно этих артистов поставить у истоков самобытной, нарождавшейся в среде американских негров культуры.

— Мы родились вместе с джазом, — говорил Эллингтон, — мы росли вместе, бок о бок, в безвестности и бедности. Мы звали джаз еще до того, как сделался он податливым и мягким. Нам довелось видеть, как он ходил босиком, прежде чем начал носить лаковые башмаки. На наших глазах джаз путешествовал в блестящем обществе и многие годы проводил время в дурной компании. Лишь кое-кто из нас, старых друзей, помнит хорошего, крепкого парня, тот джаз, который был за всегдатаем хонки-тонкс Нью-Орлеана, на пароходах Миссисипи, в дансингах чикагского Саут-Сайда...

Мало кто помнит настоящее имя Эллингтона — Эдвард Кеннеди. Всем хорошо известно другое — Дюк, «герцог», пожалованное ему поклонниками джаза много лет назад, в дни его молодости.

Дюк Эллингтон не только джазовый пианист, дирижер и аранжировщик, но и неутомимый пропагандист музыкальной культуры американских негров. Он начал сочинять еще мальчиком, когда ему было четырнадцать лет, и с тех пор создал более двух тысяч джазовых композиций. Его крупные симфо-джазовые сюиты — «Гарлем», «Черное, коричневое и бежевое», «Всемирная сюита» — входили в программы столь далеких от джаза музыкальных формаций, как оркестры Тосканини, Стоковского, Орманди.

Джазовые пьесы Эллингтона оказали влияние на творчество композиторов Америки — Джорджа Гершвина, Кола Портера и Леонарда Бернстайна.

— Мой оркестр всегда исполнял и исполняет традиционный джаз. Не устаревший, не рутинный, а именно традиционный. — Эллингтон произносит слова чуть гортанно, неторопливо. — В конце двадцатых годов я был одним из тех, кто решился аранжировать джазовые ком-

Шестиминутное попури, исполняемое оркестром Эллингтона, ждет вас на одиннадцатой звуковой странице. В трансляционной записи отчетливо слышны соло инструментов.

НИКОГДА

НЕ УСТАЕМ ОТ МУЗЫКИ

МУЗЫКАЛЬНАЯ АФИША

позиции, играть их по тщательно расписанным партитурам. Я собрал свинговый «биг-бэнд» и отправился с ним в Нью-Йорк, раз и навсегда отказавшись от случайных составов и от стихийной импровизации, которыми в ту пору жил молодой джаз. Настоящее искусство, а именно таким выдилось мне будущее джаза, требовало тщательно отработанного мастерства исполнителей, высокой артистической культуры, серьезной совместной подготовки.

Оркестр Дюка Эллингтона — это шесть саксофонов, три тромбона, пять труб, ударник, контрабас, рояль. Пропорции инструментов остаются неизменными уже многие годы. Лишь иногда с оркестром выступает органист Вилд Билл Дэвис. Эллингтон весьма требователен к музыкантам и приглашает к себе лишь лучших из лучших, тех, кого сам без доли позерства не прочь назвать ведущими джазменами. Каждый из них мог бы стать украшением любого состава, но они предпочитают играть вместе, быть верными своему маэстро, и в этом подвижничестве, в постоянстве единения — секрет чистого, богатого оттенками, сочного голоса оркестра. Зная возможности каждого своего музыканта, импровизационные границы солистов, Эллингтон создает джазовые композиции с учетом этих возможностей.

— Нас объединяет то, что все мы занимаемся своим любимым делом. — Эллингтон улыбается, говоря это. — Конечно, кое-какие перемены в составе случаются и у нас. Без этого нельзя, тем более что с момента создания оркестра прошло почти полвека. На гастроли в Советский Союз приехали те, кто довольно долго выступает со мной, мои друзья и единомышленники. Я доволен тем, как они играли в вашей стране, да, судя по теплоте приему, и ваши любители джаза тоже остались довольны. Мне было чрезвычайно приятно представить советским слушателям таких виртуозов-музыкантов, как баритон-саксофонист Гарри Карни (он играет со мной с 1927 года), старейшина состава трубач Кути Вильямс (в оркестре с 1929 года), ударник Руфус «Быстрый» Джонс... Мы привыкли колесить по странам, выступать почти ежедневно — мы никогда не устает от музыки...

Александр МАРЬЯМОВ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ЭЛЕНА БУРКЕ

12

Куба

Элена Бурке стала профессиональной певицей в четырнадцать лет. Многие годы она выступала в чужих странах с группой «огненных мулаток».

Домой Элена приезжала, как она говорит, «подышать родным воздухом». И снова дорога: Канада, Мексика, Ямайка... Только после падения Батисты Элена вернулась на родину. «Великая негритянка Кубы», как ее называют, поет в маленьких и больших кабаре Ла Рампы, без которой невозможно представить Гавану.

Ла Рампа — это небольшой отрезок 23-й улицы. Начинается она возле гостиницы «Гавана Либре», проходит мимо кинотеатра «Ла Рампа» и завершается Атлантическим океаном. На этой улице — кинотеатры, выставочные залы, павильон «Куба», институт радиовещания, ресторан «Волга», бесчисленные кафе. Ла Рампа — место массовых гуляний, место, где встречаются вечером после спектакля актеры, место, куда гаванец попадает, выбежав из дома просто за сигаретами...

Вечерняя Ла Рампа полнится голосами Хосе Антонио Мендеса, Жюли Кальво, Бола де Ньеве, Элены Бурке. В 1964 году вместе с группой «Варьетте Гаваны» Бурке представляла Кубу на Каннском фестивале. В 1966 году Элена приезжала в СССР с «семейным ансамблем» — мужем-гитаристом Рамоном Велосом и сыном Рамонсито. В 1970 году с программой «Кубинский карнавал» Элена опять в Москве. — Я очень рада, что снова чувствую тепло сердец москвичей, — говорит певица.

Когда вы услышите Элену Бурке, у вас, наверное, возникнет ощущение, что у ее голоса нет предела, нет предела его глубине, теплоте, силе... В обширном репертуаре Элены Бурке народные испанские и кубинские песни. Исполненные под гитару, они звучат подлинно и прекрасно.

Цена 1 руб.

С. ЧЕКРЫГИНА